

УДК(821.161.1)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127

И. А. БУНИН О М. А. ВОЛОШИНЕ: ЗА И ПРОТИВ

Яковлев М. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 34, Российская Федерация**Государственный гуманитарно-технологический университет**142611, Московская обл., г. Орехово-Зуево, Зелёная ул., д. 22, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель данной работы заключается в прояснении полемического отношения И. А. Бунина к личности и поэзии М. А. Волошина в послереволюционный период.

Процедура и методы исследования. Особое внимание уделено интерпретации воспоминаний И. А. Бунина о М. А. Волошине и их художественной концепции послереволюционной России. При анализе поэтических текстов используются биографический, культурно-исторический и герменевтический методы.

Результаты. В ходе анализа стихотворений раскрываются двойственный образ послереволюционной России в творчестве обоих поэтов.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение наследия двух ярких поэтов первой трети XX века.

Ключевые слова: И. А. Бунин, М. А. Волошин, образ России, историзм, мифологизм, апокалиптика, метаисторизм

I. BUNIN ABOUT M. VOLOSHIN: PROS AND CONS

M. Yakovlev*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation**State University of Humanities and Technology**22, Zelyonaya ul., Orekhovo-Zuevo, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to clarify the polemical attitude of I. Bunin to the personality and poetry of M. Voloshin in the post-revolutionary period.

Methodology. Special attention is paid to interpreting the late poetic works of I. Bunin and M. Voloshin and their artistic concept of post-revolutionary Russia. Biographical, cultural-historical, and hermeneutical methods are used in the analysis of poetic texts.

Results. The analysis of poems reveals the dual image of post-revolutionary Russia in the works of both poets.

Research implications. The article contributes to studying the legacy of one of the brightest poets of the first third of the twentieth century.

Keywords: I. Bunin, M. Voloshin, the image of the Russia, historicism, mythologism, Apocalyptic, metahistory

Введение

Русская мемуаристика и другие формы автобиографического и биографического жанров в послереволюционный период достигают небывалого расцвета. Мемуарная проза опровергала полемический тезис О. Э. Мандельштама, который в одноимённой статье 1922 года предрекал «Конец романа», объясняя кризис классического жанра «катастро-

фической гибелью биографии», утратой «чувства времени»¹, дающего перспективу движения жизни и определяющего границы художественного хронотопа. По мнению Мандельштама, «композиционная мера романа – человеческая биография»². Однако мемуарный антропоцентризм начала XX века, подобно житийному жанру древнерусской литературы, возвращал в исторический поток человеческую личность. Воспоминания И. А. Бунина о М. А. Волошине – яркий образец такого биографического антропоцентризма.

Творчество И. А. Бунина в современном литературоведении исследовано достаточно подробно, однако художественный мир писателя неизменно сохраняет читательскую и научную притягательность. В рамках данного исследования можно назвать ряд статей последних лет. Проблему стиля И. А. Бунина рассматривают В. А. Гавриков [1], О. А. Коростелев [2], Е. В. Кузнецова [3]. Е. Р. Пономарев исследует мемуарную природу текста дневника «Окаянные дни» [6].

Богатый мемуарный и историко-литературный материал содержит изданная в 2019 году книга В. Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью»³. Опубликованы фундаментальные коллективные книги «Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, историко-кодевание, текстология)» [9], «Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сб. науч. трудов» [8]. В 2019 году ИМЛИ подготовил объёмный научный труд «Литературное наследие. Т. 110: И. А. Бунин. Новые исследования и материалы. В 4-х кн. Кн. 1» [4]. В рамках научно-исследовательского проекта, финансируемого Российским научным фондом (проект №17-18-01410), международным коллективом учёных разработан специализированный сайт «Академический Бунин» [7]. Для осмыс-

ления роли М. А. Волошина в литературном процессе большой интерес представляет книга «М. А. Волошин: Pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. А. Волошина в оценках отечественных писателей, мыслителей, исследователей», подготовленная Т. А. Кошемчук [5].

Цель данной работы состоит в рассмотрении отдельных аспектов творческой эволюции И. А. Бунина и М. А. Волошина 1917 – начала 1920-х годов, в установлении идейно-стилевой специфики мемуаров Бунина о Волошине и особенностей образа России, ознаменованного событиями революции и гражданской войны.

Основной ход исследования

В 1932 году в Париже, в год смерти М. А. Волошина, И. А. Бунин написал воспоминания о поэте. В послереволюционные годы о Волошине были созданы мемуары Г. А. Шенгели «Киммерийские Афины»⁴, М. И. Цветаевой «Живое о живом»⁵, воспоминания Е. С. Кругликовой⁶, Е. К. Герцык⁷ и других современников. В 1954 году по-немецки были написаны мемуары первой жены поэта М. В. Сабашниковой «Зелёная змея» (опубликована в Штутгарте в 1968 г., русский перевод и издание – 1993 год)⁸. Вследствие различных причин до «перестройки» имя и творчество М. А. Волошина были известны по преимуществу специалистам, подтверждая его собственное наблюдение в автобиографии 1925 года: «Сам же я остаюсь всё в том же положении писателя вне литературы, как это было и до войны»⁹.

¹ Мандельштам О. Э. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. С. 269.

² Там же. С. 269.

³ Муромцева-Бунина В. Н. Беседы с памятью [вступ. ст., примеч. А. К. Бабореко]. М.: ПРОЗАиК, 2019. 557 [2] с. Библиогр. С. 541–557.

⁴ Шенгели Г. А. Киммерийские Афины // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 444–448.

⁵ Цветаева М. И. Живое о живом // Там же. С. 383–437.

⁶ Кругликова Е. С. Из воспоминаний о Максe Волошине // Там же. С. 363–365.

⁷ Герцык Е. К. Волошин // Там же. С. 366–381.

⁸ Сабашникова М. В. Зелёная Змея. История одной жизни / пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступ. ст. С. О. Прокофьева. М.: Энигма, 1993. 413 с.

⁹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 253.

Это «положение» сохранилось на долгие годы.

В этой связи небольшое мемуарное произведение И. А. Бунина «Волошин»¹ в историко-литературном плане интересно по ряду причин.

Во-первых, это отражение-преломление образов двух самобытных мастеров первой трети XX века, своеобразное «двойное зеркало», «портрет в автопортрете», в духе «Воспоминаний о Блоке» (Берлин, 1922) А. Белого², где главное внимание уделяется не столько Блоку, сколько самому автору воспоминаний. В результате получается своеобразный жанр «автопортрета» на фоне ускользающего во времени «портрета» другого человека. В воспоминаниях Бунина о Волошине также важны и интересны оба персонажа – и автор, и герой.

Во-вторых, наблюдения и размышления Бунина о личности, судьбе и послеоктябрьском творчестве Волошина предлагают для читателя две художественные «картины мира», два «образа реальности». В результате возникает двойственная и многозначная версия исторического образа России в послереволюционном литературном процессе, два вектора художественного историзма. Оба они также сохраняются в современной жизни и в исторической концепции русской литературы XX века. Поэтому научно ценным представляется увидеть и осмыслить их в историческом потоке, вернуться к их истокам.

Стилистически воспоминания И. А. Бунина «Волошин» изначально получают полемически-провокационный, иронический характер, напоминая манеру литературно-критических статей В. В. Розанова и язвительно-обличительную стилистику публицистического дневника «Окаянные дни», созданного в период

пребывания в Одессе с 1918 по 1919-й год (записи января 1920 года, по признанию Бунина, были утеряны). Хронологически именно этот период и был временем сближения Бунина и Волошина, и в воспоминаниях автор также обращается к материалам дневника. Бунин сообщает: «Я лично знал Волошина со времён довольно давних, но до наших последних встреч в Одессе зимой и весной девятнадцатого года, не близко»³.

Прежний образ Волошина для Бунина сформировался в дореволюционный период. Он во многом стереотипный и включает общие негативные и иронические характеристики русского декаданта: эстетизм, снобизм, символизм, увлечение европейской поэзией⁴. Н. Н. Берберова в воспоминаниях «Курсив мой» (1969, 1972) приводит характерный бунинский перечень «кретинов», среди которых были Бальмонт, Сологуб, Вячеслав Иванов. Поэзия Гиппиус вызывала злую насмешку. Брюсова предлагалось повесить за его «коммунизм». Псевдоним поэта «Андрей Белый» объяснялся его «белой горячкой», а сам он воспринимался как «опасный сумасшедший». Всех «мерзостнее» для Бунина был А. Блок⁵.

Отметим, что психологически любой наблюдатель замечает прежде всего то, что есть в нём самом, и свойства «эстетизма» и «снобизма» были также и качествами так называемого «неореализма», с которым биографически и эстетически был связан Бунин. К этому можно добавить и специфический бунинский нарциссизм. Н. Н. Берберова в воспоминаниях приводит показательные, до смешного завистливые слова: «И совсем он был некрасивый, – однажды воскликнул Бунин, говоря о Блоке, – я был красивее его!»⁶. Заметим,

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохраника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке / под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 510 с.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохраника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

⁴ Там же. С. 451.

⁵ Берберова Н. Н. Курсив мой [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/185919-2-nina-berberova-kursiv-moy.html#book>. (дата обращения: 15.07.2020).

⁶ Там же.

что в списке «кретинов»-символистов из книги Берберовой имя М. А. Волошина отсутствует.

Как реалист, Бунин в мемуарах ставит задачу максимально точно воссоздать образ запомнившегося ему Волошина. При этом лексика и стилевые акценты выражают сугубо авторскую точку зрения, раскрывают картину мира самого неореалиста. Почти карикатурными предстают в воспоминаниях внешность Волошина, его одежда, манера чтения стихов, общения с людьми. Приём портретирования получает карнавальную направленность.

Так, завершая информативную портретную характеристику периода «Весов» и «Золотого руна», Бунин подчёркивает некую искусственность, «сделанность» его облика и в итоге сообщает, что в нём соединились черты «русского мужика и античного грека». Но этого автору ещё недостаточно, и он добавляет, что в нём было «что-то бычье и вместе с тем круторогобаранье»¹. Среди колоритных портретных деталей облика Волошина отмечаются «почти женские груди» под блузой и ставшая одиозной крымская одежда поэта, его, по выражению М. И. Цветаевой, знаменитый «парусиновый балахон»², или, как пишет Бунин, «туника» – то есть «длинная рубаха без рукавов» (*рукава, к слову, были. – М. Я.*). Что кажется ему очень смешно при «его толстой фигуре и коротких волосатых ногах»³.

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 452.

² Цветаева М. И. Живое о живом // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 383.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 453.

После Парижа, по свидетельству Бунина, у Волошина появляются дополнительные богемные черты, «что-то очень изысканное, жеманное и “очаровательное”»⁴. Бунин пишет, что во время чтения стихов Волошин делал «лицо олимпийца, громовержца и начинал мощно и томно завывать», а после чтения снимал «грозную и важную маску» и становился «салонным» человеком с «вкрадчивой улыбкой» и «неутомимым сладострастием аппетита»⁵. Чтение стихов в одном частном клубе в Одессе 1919 г., «среди пивших и евших в зале < ... > “недорезанных буржуев”», Бунин называет «кощунственным словоизвержением»⁶.

Если сложить эти портретные фрагменты и характеристики, получится странное пышнотелое существо в блузе (или рубахе) с почти женскими грудями, на коротких волосатых ногах. К этому добавляются густые, «завивающиеся кольцами» волосы, разделённые «на прямой пробор», и объёмная борода, которая «чудесно круглится»⁷. Не доверяя фантазии читателя, Бунин вопросительно подсказывает: «Кряжистый мужик русских крепостных времён? Приап? Кашалот?»⁸. Возникает законный вопрос: что же так раздражало И. А. Бунина?

После революции парадоксальным образом русский традиционалист, реалист и патриот Бунин оказывается в Париже, а салонный модернист, «парижанин» и «карикатурный» европеец Волошин осознанно остаётся на родине. В автобиографии Максимилиан Александрович писал: «Вернувшись весной 1917 г. в Крым, я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую – и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой»⁹. Здесь читатель воспоминаний Бунина сталкивается с разными версиями русской жизни, с раз-

⁴ Там же. С. 452.

⁵ Там же. С. 452.

⁶ Там же. С. 453.

⁷ Там же. С. 453.

⁸ Там же. С. 453.

⁹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 252.

ными *Россиями*, разными картинами мира и пониманием русской истории.

В самом начале воспоминаний Бунин проговаривается о причинах развёрнутой авторской иронии. Его задевает оценка Волошина как пророка! Иван Алексеевич пишет: «... возвели и его в пророки, в провидцы “грядущего русского катаклизма”, хотя для многих из таких пророков достаточно было в этом случае только некоторого знания начальных учебников русской истории»¹. Вероятно, как и в случае отношения к А. Блоку, Бунин был убеждён в собственном превосходстве, в личной пророческой миссии. В другом месте воспоминаний он с удовлетворением приводит факт своей прозорливости в оценке попытки Волошина опубликовать в большевистской Одессе полемическое открытое письмо: «Письмо, конечно, не напечатали. Я и это ему предсказывал»². Слово «предсказывал» в данном контексте звучит несколько преувеличенно, однако свою правоту Бунин явно оценивает как своеобразное интеллектуальное ясновидение.

Действительно, в восприятии Буниным и Волошиным современной послереволюционной России мы имеем дело с пророческим служением двух типов. Для дневника «Окаянные дни» и «Воспоминаний» о Волошине характерна обличительная задача. В случае с историософской позицией и поэзией Волошина мы имеем дело и с обличением современности, и с откровением внеисторической реальности, с мессианизмом и апокалиптикой. При всей разнице позиций в итоге оба русских интеллектуала и художника сходятся в единстве общегуманистических ценностей. В воспоминаниях Бунин приводит сцену прощания с Волошиным, с риском для жизни отправляющимся из Одессы в Крым: «Беседовали долго и на этот раз почти во всем согласно, мирно. <...>

Прощаясь, взволновались, обнялись»³. И далее автор цитирует открытку, полученную от Волошина из Крыма. В частности, Максимилиан Александрович писал: «Очень приятно вспоминать последний вечер, у вас проведённый, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период»⁴. Каковы же вехи сближения и отталкивания двух этих ярких и самобытных художников, писавших о послереволюционной России?

В воспоминаниях Бунина есть несколько знаковых произведений и суждений Волошина, позволяющих обозначить и проследить точки притяжения и отталкивания двух литературных миров.

Отмечая в ранней поэзии тенденцию к игре со словом, «влечение к словам», Бунин приводит цитаты из стихотворений «В вагоне» (1901), в котором фонетически имитируется стук колес, и «Кастаньеты» (1901), образ которых сам по себе является культурологической эмблемой ритма. В тот же культурологический ряд Бунин помещает и неомифологическое стихотворение 1910 года «Склоняясь ниц, овевая ночи синью...» из цикла «Блуждания», книги «*Selva oscura*» (1910–1914), в котором преломляется мифологема Матери-Земли. Этот символический образ также развивается в стихотворениях «Быть чёрною землёй...» (1906) цикла «Звезда Полюнь», «Полюнь» (1906) цикла «Киммерийские сумерки», «Материнство» (1917) цикла «Блуждания» и др. Для Волошина эти произведения выражали мифологию Родины как Женственного начала.

Символ Матери-Земли в художественном пространстве Волошина вступает в сложные мифопоэтические отношения с образом Богородицы, в частности, в стихотворении «Таноб» цикла «Путями Каина» (1915–1926). А через софиологическую символику образа Богородицы в поэме

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь - бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Там же. С. 455.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь - бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 456.

⁴ Там же. С. 457.

«Святой Серафим» (1918) и стихотворении «Владимирская Богоматерь» (1929) – с метаисторическим образом России, его проекцией мифологемы Царствия Божия на земле как откровения Софии. В докладе «Россия распятая», прочитанном как автокомментарий к стихам, созданным к маю 1920 года, Волошин формулировал свой историзм как метаисторизм, а историсофию как апокалиптику: «Мой единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времён. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества»¹. К 1923 году произведения этих лет были объединены в книгу «о войне и революции» «Неопалимая Купина». Библейский образ и одноимённая икона Богородицы стали для поэта апокалиптическими символами России.

И. А. Бунину подобная «внеполитичность» казалась непростительной, оценивалась почти как безнравственный идеализм, едва ли не как салонный снобизм. В воспоминаниях он с возмущением дважды приводит слова Волошина, раскрывающие его мистический антропологизм, его иррациональную, апокалиптическую веру в человека. Сначала эта мифологема приводится как свидетельство принадлежности к антропософским кругам и учению: «Он антропософ, уверяет, будто «люди суть ангелы десятого круга, которые приняли на себя облик людей вместе со всеми их грехами, так что всегда надо помнить, что в каждом самом худшем человеке сокрыт ангел...»². Вспомним знаменитую булгаковскую концепцию, вложенную Мастером в уста Иешуа Га-Ноцири о том, что все люди «добрые». В другом месте Бунин нарочито противопоставляет волошинскую веру в человека реальности современной большевистской Одессы: «Я напоминаю ему, что в

этом самом городе, который он собирает украшать (*к Первому мая*. – М. Я.), уже нет ни воды, ни хлеба, идут беспрерывные облавы, обыски, аресты, расстрелы, по ночам – непроглядная тьма, разбой, ужас...» И далее приводит те же слова Волошина об ангеле внутри человека: «Он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, в кретине *сокрыт страждущий Серафим...*» (*курсив Бунина*. – М. Я.)³. Этот полемический диалог во многом напоминает разговор на пароме рационалиста и скептика Андрея Болконского и вдохновлённого мистикой масонства Пьера Безухова. В обоих случаях сталкиваются не люди, а разные мировоззрения, разные версии реальности. В подтверждение наивности «антропософа» Бунин приводит слова из газеты «Известия»: «К нам лезет Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам»⁴.

Теперь уже не нужно доказывать, что Волошин не принадлежал к движению «сменовеховцев», как в начале воспоминаний иронически предполагает Бунин⁵. Напротив, Волошин был консервативно верен своей апокалиптической позиции «вне политики», по словам М. И. Цветаевой, спасая «красных от белых и белых от красных», то есть «человека от своры»⁶, защищая личность от потерявшей человеческий облик толпы. Об этом он впоследствии написал в автобиографическом стихотворении 1926 г. «Дом Поэта»: «Я ж делал всё, чтоб братьям помешать / Себя губить, друг друга истреблять...»⁷.

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 503.

² Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 454.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 455.

⁴ Там же. С. 455.

⁵ Там же. С. 451.

⁶ Цветаева М. И. Живое о живом // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 436.

⁷ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 81.

Разными концепциями реальности объясняется и второй «грех» Волошина, который Бунин ставит ему в вину в начале воспоминания, а именно: «... слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции»¹. Слово «воспевание» – это отголосок традиции классицизма и романтизма в понимании целей поэзии. Вспомним недоумение А. Блока, которого также обвиняли в «восхвалении» революции в поэме «Двенадцать». В дневнике от 10 марта (25 февраля) 1918 года, ссылаясь на оценку комиссара Театрального отдела О. Д. Каменевой, он с удивлением писал: «Разве я “восхваляю”? (Каменева). Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”. Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак»². Апокалиптически озаменованная поэтика произведений В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, М. Волошина, В. Сумбатова, С. Бехтеева, С. Есенина, П. Карпова, Н. Клюева, да и самого И. А. Бунина предполагала пророческий реализм, а не выражение партийной идеологии.

В автобиографии Волошин пояснял свою литературную задачу послереволюционных лет так: «Но так как темой моей является Россия во всём её историческом единстве, т. к. дух партийности мне ненавистен, т. к. всякую борьбу я не могу рассматривать иначе, как момент духовного единства борющихся врагов в едином деле...»³. При этом в докладе «Россия распятая» поэт говорит об объективном «ужасе, который представляет собою русская история во все

века»⁴. Этот «ужас» – свойство апокалиптических текстов. Однако он преодолевается верой в Град Божий, в осознанность страданий, формируя в рамках художественного историзма психологию «трагического оптимизма». Поэт продолжает: «Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплечных дел мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преобразование земного царства в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый...»⁵. В стихотворении 1919 года «Китеж» Волошин заявляет: «Вся Русь – костёр. Неугасимый пламень / Из края в край, из века в век / Гудит, ревет... И трескается камень. / И каждый факел – человек»⁶.

Метафизическая символика Огня трактуется поэтом не только в смысле «очищающего» или «карающего» Огня, но и в смысле Огненного Богоявления Духа. Отсюда в стихотворениях «Неопалимая купина» (1919) и «Благословенье» (1923) та образность, которая, шокировала Бунина и других свидетелей Революции как Апокалипсиса. Шокирует она и современного читателя. В воспоминаниях Иван Алексеевич приводит строчки из стихотворения «Ангел Мщенья», завершающего статью «Пророки и мстители» 1906 года (журнал «Перевал») и переизданную в 1914 году:

Народу русскому: я скорбный ангел
мщенья!

Я в раны чёрные – в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.

И голос мой – набат! Хоругвь моя – как
кровь!⁷

(*Курсив Бунина. – М. Я.*)

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Блок А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Лирическая проза. 1906–1921. Автобиография. 1915. Из дневников и записных книжек. 1901–1921. Последние дни императорской власти. 1918. Л.: Художественная литература, 1982. С. 246.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 252–253.

⁴ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 492.

⁵ Там же. С. 492.

⁶ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 492.

⁷ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 453.

Волошин называет этого духа революции «Ангелом Справедливости и Отмщения, кровавым Ангелом тамплиэров»¹. В сентябре 1919 года И. А. Бунин пишет стихотворение «Михаил», в котором также слышны апокалиптические интонации:

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синеватых
И дивно глядел на меня.

<...>

Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, тёмный и старый,
Где ты моё сердце пленил!²

Образ архангела Михаила является одним из ключевых в видениях «Апокалипсиса Иоанна Богослова». Михаил предстаёт как архистратиг небесного воинства в духовной войне с дьяволом (Откр. 12: 7–9).

В стихотворении И. А. Бунина «Потерянный Рай» (1919) видна переключка с поэмой Волошина «Протопоп Аввакум» 1918 года. У обоих поэтов используется своеобразное сентиментально-трогательное молитвенное обращение к Иисусу Христу, свойственное как самому Аввакуму, так и старообрядческой устной традиции в целом. В финале поэмы Волошина из загоревшегося сруба Аввакум так обращается к Богу: «Святая Троица! Христос мой миленькой! / Обрато к Вам – в Ерусалим небесный! / Родясь – погас, / Да снова разгорелся!»³. Разговорное прилагательное «миленькой» по отношению к Богочеловеку звучит и в молитве Адама и Евы из стихотворения Бунина. Праотец человечества просит за своих заблудших чад, убиенных Антихристом: «Со духи праведных, / Убиенных Антихристом: / – Иисусе Христе, Миленький! / Прости душу непотребную! / Вороти в обитель Отчую!»⁴.

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 303.

² Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 367.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 317.

⁴ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 368.

Старообрядческая форма имени «Исус» (с одной буквой «и») используется и в поэме А. Блока «Двенадцать».

Бунин высоко оценил поэму Волошина, завершённую 18 мая 1918 года. После живого авторского чтения «Аввакума» Бунину 18 (5) апреля 1919 года он написал в дневнике: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна»⁵. Проблема религиозного противостояния эпох и людей сближала Бунина и Волошина в восприятии современности. Работа над поэмой «Святой Серафим» упоминается Буниным в цитируемом письме от Волошина как диптих с «Аввакумом»⁶.

Стилистически близкими представляются стихотворения И. А. Бунина и М. А. Волошина, изображающие послереволюционную Москву. В цикле «Пути России» есть стихотворение марта 1917 года «Москва», которое, по воспоминаниям Волошина, воплотило своеобразный метаисторический транс, пережитый им на Красной площади. Революционный парад проходил под кремлёвскими стенами рядом с Лобным местом, заполненным слепцами, «заунывными голосами» певшими «древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божьем»⁷. Знамена на параде показали поэту «кровью, проступившей из-под этих вещей камней Красной площади, обогранных кровью Всея Руси». И далее он продолжает: «И тут внезапно и до ужаса отчётливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени»⁸. В стихотворении

⁵ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 539.

⁶ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 457.

⁷ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 459.

⁸ Там же. С. 459.

«Москва» этот опыт запечатлелся так: «Ни свечи не засвечены, / К обедне не звонят. / Все груди красным мечены, / И плещет красный плат»¹. Очевидно, что послереволюционная неомифология Волошина была не интеллектуальной игрой поэта-модерниста, а опытом ясновидения истории, следствием его апокалиптического реализма, уходящего в народную духовную традицию: «По грязи ноги хлюпают. / Молчат. Подходят. Ждут. / На паперти слепцы поют / Про кровь, про казнь, про суд»².

Тема отступничества и наказания за него была близка и И. А. Бунину. В стихотворении «Москва 1919 года» (12 сентября 1919) мы видим почти ту же реальность, что и в произведении Волошина: «В храме стены потом плачут, / Тусклы ризы алтарей. / Нищие в лохмотьях руки прячут, / Робко жмутся у дверей». И далее: «Темень, холод, буйных галок / Ранний крик. / Снежный город древен, мрачен, жалок, / Ниц и дик»³. Разница лишь в пейзажных деталях.

Массовое религиозное отступничество народа стало одной из причин бегства значительной части русских людей на чужбину. По аналогии с концепцией Конца Света чувство «конца» России формировало новую эсхатологию. В стихотворениях Бунина 1922 года появляются мотивы, созвучные с христианской эсхатологией Волошина, в частности, стихотворения 1915 года «Усталость»⁴. Так, в произведении Бунина «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»⁵ евангельская аллюзия выражает не только «странничество» и одиночество Сына Божьего на земле (Мф. 8: 20), но и автобиографические переживания. В контексте эмиграции из антихри-

стианского государства лирический герой Бунина понимает своё состояние как верность пути Христову, как нежелание поклониться утверждающемуся Антихристу. Приводимая в стихотворении цитата в Евангелии начинается 19 стихом, где один из почитателей Иисуса эмоционально говорит о своей верности Учителю: «Тогда один книжник подошед сказал Ему: Учитель! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл» (Мф. 8: 19). На этот порыв Христос предупреждает о трудностях Его пути, о том, что «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20). В стихотворении «Вход в Иерусалим» (29 августа 1922) Бунин подчёркивает конфликт между приветствием Иисусу «Осанна!» и Его «восхождением» не на мессианский трон, а «на позор, на пропятье»⁶. Поэтому финал стихотворения «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» передаёт жертвенное чувство духовной свободы, закономерность пути того, чей подлинный дом на небесах: «Как бьётся сердце, горестно и громко, / Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом / С своею ветхою котомкой»⁷. Вспомним многозначное название статьи и цикла «Пути России» Волошина, которые приводит Бунин в воспоминаниях. Образ пути и страннического «узелка» возникает в близком по художественной концепции стихотворении В. В. Набокова «Когда по лестнице алмазной...» 1923 года.

Эсхатологический мотив утраты Родины как грехопадения возникает в стихотворении И. А. Бунина «России», датированном 22 августа 1922 года. В нём появляется важный для апокалиптического метатекста образ Блудницы. В частности, у Волошина это стихотворения из цикла «Возношения» «Видение Иезекииля» (1918) и цикла «Пути России» – «Русь гуляющая» (1923). И если в стихотворении «Русь гуляющая» поэт призывает помиловать падшую грешницу, отсылая читателя к эпизодам из Евангелия (Ин. 8: 3–11) и (Лк. 7: 37–48), то видение Иезекииля, так же как видение Апокалипсиса (Откр. 17: 1–18; 18:

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 460.

² Там же. С. 460.

³ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 368.

⁴ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 236.

⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 370.

⁶ Там же. С. 375.

⁷ Там же. С. 370.

1–24), изображает Суд и Кару над силами Блуда, уводящими от Бога. Это место Апокалипсиса использовалось Буниным как эпиграф к «антибуржуазному» рассказу «Господин из Сан-Франциско» (1915), где Америка может восприниматься как новая версия символа Вавилонской Блудницы, отсюда и роль пророческого предупреждения: «Горе тебе Вавилон, город крепкий!» В тексте Откровения он завершается так: «...ибо в один час пришёл суд твой» (Откр. 18: 10). Собственно, в Апокалипсисе здесь идёт речь не о конкретном «городе» или стране, а о собирательном образе духовного блуда. В стихотворении 1922 года «России» Бунин также обращается к ней как к Блуднице: «Блажен, кто раздробит о камень / Твоих, Блудница, новых чад, / Рождённых в лютые мгновенья / Твоих утех – и наших мук»¹. Грозная сила Гнева Божьего в границах традиционной христианской этики, учащей милосердию, в стихах Бунина и Волошина звучит эпатирующе.

Апокалиптическая антиномия тьмы и света раскрывается в пейзажном стихотворении И. А. Бунина «Радуга» (1922). Образ «чёрной тучи» являет «свод радуги» как символ Божьего «благоволения». Это сияние открывается «избранникам» Творца, которые «на закате» жизни, «пред концом», сами «зажгутся», подобно радуге². Философский пейзаж также выражает надежду на победу над тьмой, художественно воплощает веру в преображение, сближая поэтику Бунина и Волошина.

Также очевидно, что сближение и полемика И. А. Бунина и М. А. Волошина одесского периода 1918–1919 гг. повлияли на ряд произведений книги «Неопалимая Купина». Одноимённое стихотворение книги имеет подзаголовок: «В эпоху бегства французов из Одессы»³. Также это стихотворения «Плаванье» (1919)

и «Бегство» (1919), передающее путь Волошина и его спутников из Одессы в Коктебель, о чём позже он напишет в цитируемом Буниным письме. В этот же ряд включаются стихотворения «Матрос» (1918), «Красногвардеец» (1917), «Спекулянт» (1919) и другие произведения цикла «Личины» – «Большевик» (1918), «Феодосия» (1918), «Буржуй» (1919). В письме Волошина Бунину эти произведения как бы адресованы ему как критику и отчасти вдохновителю. Волошин интересуется мнением оппонента⁴, так как они написаны не в мистико-религиозном, а в «реалистическом» стиле. Хотя и эти реалистические «личины», по Волошину, только «маски», скрывающие, ангельскую сущность человека.

В стихотворении «Потомкам», созданном в 1921 году в Симферополе и завершающем цикл «Усобица», очевидно присутствуют темы полемики с Буниным. Опыт периода гражданской войны и «террора» Волошин переживает как духовный подвиг, как откровение сущности истории: «Мы выучились верить и молиться / За палачей. Мы поняли, что каждый / Есть пленный ангел в дьявольской личине, / В огне застенок выплавили радость / О преосуществленье человека...»⁵. Обезличиванию и озверению человека поэт противопоставлял святость как явление Бога в человеке, преображающее его «Я», выявляющее Лик его личности. Очевидно, что индивидуализм, консерватизм, интеллектуализм, критицизм, нравственная встревоженность И. А. Бунина также поддерживали и привлекали к себе творческое сознание Волошина периода его пребывания в Одессе 1918–1919 годов. Воспоминания Бунина дают богатый материал для сопоставления социальных, философских и эстетических позиций ярких представи-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 371.

² Там же. С. 370.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 293.

⁴ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 457.

⁵ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 350.

телей русской литературы первой трети XX века, встретившихся на перекрёстке истории и послереволюционной современности России.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о глубинном влиянии И. А. Бунина и М. А. Волошина друг на друга, на творчество этого периода и их дальнейшую эво-

люцию. Противопоставление и сближение идейно-художественных концепций позволяло им определиться в сложном историко-культурном процессе, формировало характерные черты литературного стиля, соединяющего документальный историзм и апокалиптический символизм в восприятии и художественной интерпретации послереволюционной России.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриков В. А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелёва, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т. д.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. №1. С. 35–42.
2. Коростелев О. А., Кузнецова Е. В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на одномомнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского университета. Филология. 2019. №58. С. 196–224.
3. Кузнецова Е. В. Сборник И. А. Бунина «Избранные стихи» (1929): авторская концепция и художественное своеобразие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. №4. С. 56–71.
4. Литературное наследие. Т. 110: И. А. Бунин. Новые исследования и материалы. В 4-х кн. Кн. 1 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2019. 1183 с.
5. М. А. Волошин: Pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. А. Волошина в оценках отечественных писателей, мыслителей, исследователей: Антология / сост., вступ. статья, коммент. Т. А. Кошемчук. СПб.: Центр содействия образованию, 2017. 800 с.
6. Пономарев Е. Р. «Окаянные дни» И. А. Бунина: история текста // Русская литература. 2019. №3. С. 196–210.
7. Академический Бунин [сайт]. Научно-исследовательский проект (проект №17-18-01410). Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН. URL: <http://ivbunin.ru/> (дата обращения: 15.07.2020).
8. Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сб. науч. трудов / ред. коллегия: Н. А. Трубицина (отв. ред.) и др. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 491 с.
9. Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. З. С. Закружная, М. А. Фролов. М.: Литфакт, 2019 (Академический Бунин; вып. 1). 877 с.
10. Яковлев М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века: монография. Орехово-Зуево: Ред.-изд. отдел Московского государственного областного гуманитарного института, 2015. 312 с.

REFERENCES

1. Gavrikov V. A. ["Wonderful realism" in the prose of Zaitsev, Shmelev, Bunin (in the context of magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, etc.)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 2019, Vol. 24, no. 1, pp. 35–42.
2. Korostelev O. A., Kuznetsova E. V. [Poetic principles of Ivan Bunin and Alexander Blok (based on the marginals of I. Bunin on the one-volume book by A. Blok in 1946)]. In: *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tomsk University. Series: Philology], 2019, no. 58, pp. 196–224.
3. Kuznetsova E. V., Sbornik I. A. [I. Bunin's collection "Selected poems" (1929): author's concept and artistic originality]. In: *Izvestiya RAS. Literature and language series*, 2019, Vol. 78, no. 4, pp. 56–71.

4. *Literaturnoe nasledstvo. T. 110: I. A. Bunin. Novye issledovaniya i materialy* [Literary heritage. T. 110: I. Bunin. New research and materials]. In 4 books. Book 1 / ed.-comp. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. Moscow, Institute of world literature named after A. M. Gorky of RAS. Publ., 2019. 1183 p.
5. [M. Voloshin: Pro et contra. The personality and ideological and artistic heritage of M. Voloshin in the assessments of Russian writers, thinkers, researchers: Anthology / comp., introductory article, comments of T. A. Koshemchuk]. St. Petersburg: Center for Education Promotion, 2017. 800 p.
6. Ponomarev E. R. ["Cursed Days" by I. Bunin: the history of the text]. In: [Russian literature], 2019, no. 3, pp. 196–210.
7. *Akademicheskii Bunin* [Site]. *Nauchno-issledovatel'skii projekt* [Research project (project no. 17-18-01410)]. Gorky Institute of World Literature of RAS. Available at: <http://ivbunin.ru/> (accessed: 15.07.2020).
8. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina v kontekste sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy* [The creative heritage of I. Bunin in the context of modern humanitarian studies]: collection of scientific works / editorial board N. A. Trubitsina (editor-in-chief) et al. 2nd ed., stereotype. Moscow, Flinta Publ., 2019. 491 p.
9. *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Bunin in a historical and literary context (biography, source study, textual criticism)] / ed.-comp. O. A. Korostelev, S. N. Morozov; ed. Z. S. Zakruzhnaya, M. A. Frolov. Moscow, Litfakt Publ., 2019 (Akademicheskii Bunin; Issue 1). 877 p.
10. Yakovlev M. V. *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoi poezii XX veka: monografiya* [Apocalyptic direction in Russian poetry of the twentieth century: monograph]. Orekhovo-Zuyevo, Editorial and publishing Department of Moscow State Regional Humanitarian Institute Publ., 2015. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Михаил Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; e-mail: 79104310619@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Yakovlev – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University; Prof., Department of the Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology; e-mail: 79104310619@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев М. В. И. А. Бунин о М. А. Волошине: за и против // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 116–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127

FOR CITATION

Yakovlev M. V. I. A. Bunin about M. A. Voloshin: for and against. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 116–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127